

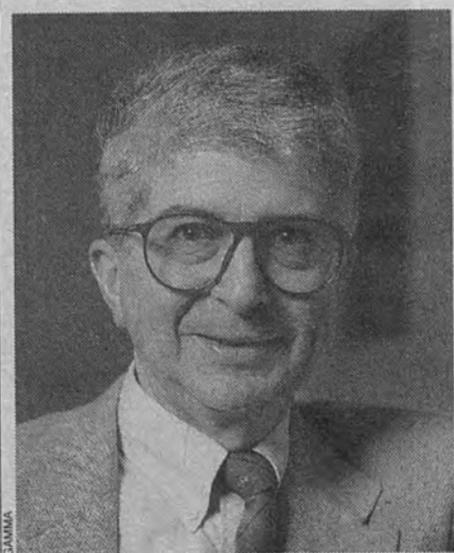
«Мы нуждаемся в более жизненной литературе»

«Современная русская проза» в Париже

Книжечка - 2005 - 22 марта
ярмарка КНИГИ - с. 22

На книжном салоне в Париже (о его открытии „Ъ“ писал 19 марта) в русском павильоне прошла презентация антологии «Современная русская проза», выпущенной французским издательством Fayard. Профессор Женевского университета, известный славист ЖОРЖ НИВА и писатель АНДРЕЙ БИТОВ рассказали МАЙЕ СТРАВИНСКОЙ о том, чего же ждут европейские читатели от российских авторов.

Жорж Нива:
от России ждут не душу,
ждут смысл

— В этой антологии нет постмодернистских фокусов, которые стали модными везде. Многие думают, что в России есть только это. Новый сборник показывает, что есть и другое, есть ритм. Это литература, которая разными путями пытается слышать голос страдающего мира. Это как раз то, что Россия принесла в XIX веке, когда появился русский роман. Русские писатели сейчас — писатели, которые дают говорить миру. Когда Солженицын написал «Архипелаг ГУЛАГ» от имени погибших миллионов, он установил не первенство реализма, «реализм» здесь слово неподходящее, а первенство смысла над играми письма. Тот факт, что из России идут не только формалистические упражнения, которые связаны со смертью литературы и автора, очень радует. Мне вообще эта песня надоела — мы нуждаемся в более жизненной литературе.

— После франкфуртской, варшавской, а теперь вот парижской книжных выставок в российских литературных кругах только и разговоров, что о моде на Россию за рубежом. Действительно Россия снова в моде?

— Обращают внимание то на Бразилию, то на Китай, то на Россию. Это не приоритет моды. Приоритеты делают великие писатели. Появляется какой-нибудь Маркес, и литература, где возник такой талант, — нарасхват. Такие мэтры письма, как, скажем, Владимир Маканин, и делают русскую литературу сегодня приоритетной. Он не реалист а la Тургенев, он прошел через все упражнения XX века. При этом в нем я слышу этот экзистенциальный голос сущего. Безусловно, для меня Марк Харитонов, Евгений Попов и другие авторы — такие же мэтры.

— Как сейчас французская публика принимает российских писателей?

— Есть жажда, но ее трудно утолить. Потому что раньше Россия приносила что-то очень важное, существенное, будь то Лев Толстой, или Александр Солженицын, или, в свое время, скажем, Исаак Бабель. Когда речь идет о постмодернистских упражнениях, их не воспринимают как русские, скорее как позаимствованную глобальную, общеевропейскую моду. От русских писателей ждут другого.

— Неужели ждут «загадочную русскую душу»?

— Нет, душу не ждут. Ждут смысл. Скажем, в любой повести Маканина есть смысл, даже если он скрытый, но если читатель чувствует, что есть смысл, — его это задевает, тогда литература тревожит читателя. Именно этого не хватает в европейской литературе. Не хватает нового голоса.

— Какова же вероятность того, что этот новый голос придет из России?

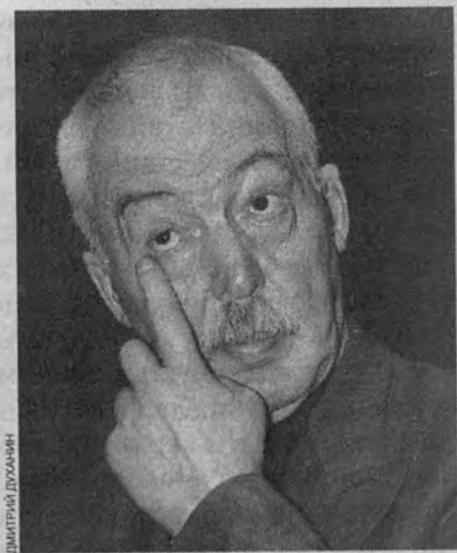
— Ну как сказать? Когда издается много книг, много журналов, работают множество активных критиков, спорных, иногда злых, но всегда будоражащих, это дает живую среду для литературы и дает шанс для появления новых писателей.

— А вам лично ближе литература современной России или литература слова эпохи десятилетней давности?

— Десять лет назад постмодернистские игры победили, казалось, что издевательство литературы над самой собой и есть лучший ответ на обвал эпохи.

Сейчас я читаю новые тексты, в которых авторы пытаются реконструировать смысл, и это очень обнадеживает. Я, к примеру, очень люблю произведения Андрея Дмитриева. Он мало пишет, но реальность говорит через его текст. Например, рассказ «Пролетарий Елистратов» просто удивительный, почти из ничего сделанная история: какой-то милиционер московский, его проблемы, описание того, как он бесполезно проводит время, скучает, и вдруг нервный кризис — из этого получаешь крупицу реальности, которая наводит на мысли.

Андрей Битов:
рассказ — это то, с чего возобновляется проза

— Может ли представить современную русскую литературу сборник рассказов?

— Конечно, может, это замечательный жанр. Сейчас, я думаю, к нему идет возврат. Рассказ — это то, с чего возобновляется проза. Развитие жанра вообще похоже на развитие прозаика. Как правило, начинают с маленьких вещей, через повесть доходят до романа. Необходимо вернуться к рассказу, вновь почувствовать мускулы. Я вот уже лет десять пишу только мелкие вещи, это даже не рассказы, полурассказы-полуэссе. Недавно мне стали приходиться в голову замыслы рассказов, но я пока что ни одного не написал.

— Тогда почему же, как вы говорите, сейчас российская словесность возвращается к рассказу?

— Не только у писателей бывают периоды, но и у литературного процесса. Сейчас прошло 20 лет цензуры и свободы слова, эти года уже выпали в осадок. Сейчас появились люди, которые выросли совсем без этого. Им надо начинать, и они будут начинать с рассказов. Сейчас новый этап. Литература начинается снова. Надеюсь, как свободная.

— И как новую русскую литературу принимают на рижском книжном салоне?

— Вообще-то очень благожелательно. Ждут. Тут смешались три стадии отношения Запада к нам. С одной стороны, ностальгическое отношение. Это сложившиеся стереотипы, которые до сих пор еще не обветшали, это я называю ностальгией по врагу. Иногда все-таки хочется благополучному Западу, чтобы в России все было плохо. С другой стороны, наш собственный вечный бардак, который объективно дает ощущение, что что-то может двинуться назад. Но назад никогда ходу нет. Это такая выжидательная позиция Запада. А третья все-таки благожелательная. На этот раз коллекция авторов подобрана точнее, чем та, которая была на франкфуртской книжной выставке. Писатели очень разные, но все на уровне. Так что, я думаю, эффект от этой выставки может быть.

— Получится изменить образ России?

— Западная публика всегда немного сделана под нормативы. Ее ожидания сформировали их же массмедиа, так что, насколько удалось сдвинуть этот медийный образ России с ее медведями, покажет время. Я думаю, насколько-то сдвинули. Впрочем, это же происходит не через всех, а через каждого. Если способный читатель прочтет хорошую русскую книгу, он поймет, возможно, что все еще горше, чем он ожидал, но прочтет правду. Я считаю, что художественная литература — лучший способ передачи информации, поскольку понимаешь душу, а не детали, не факты.